

Стратегии  
деонтологизации  
категории «мужское» в  
современной философии.

Дискурсивная стратегия:  
практики устыжения в  
социальном дискурсе  
(Джудит Батлер, Сэдживик Ив  
Кософски, Майкл Киммел).

# Классический философский дискурс

**Трансцендентное, внешнее, разумное, мужское - аксиологически приоритетные атрибуты.**

**Они продуцируют некую онтологическую, антропологическую и социальную норму.**

**Принципы онтологического дискурса накладываются на дискурс социальный, фиксируя между людьми невидимые, но непреодолимые границы.**

Эталон человека –  
разумный, активный мужской субъект, чье положение в  
обществе ассоциируется с властью и выступает мерилom  
нормативности.

**Американский психолог Сандра Бем:**  
**«выражение «власть мужчин» имеет конкретное  
значение – это власть, которая исторически  
принадлежала богатым, белым, гетеросексуальным  
мужчинам»**

**Это о-предел-ение человека связано сразу с  
несколькими принципами оппозиционности, а именно:  
национальность, состоятельность, пол/гендер и  
сексуальная ориентация.**

**Поэтому в невыгодном положении в распределении  
общественных страт оказываются «не только женщины,  
но также и неимущие, цветные и сексуальные  
меньшинства» и сами мужчины.**

Бинарное распределение социальных страт приводило и приводит к существованию определенных групп людей, общность которых рассматривается как отклонение от **человеческой нормы.**

**Жизнедеятельность социального организма обеспечивается посредством «создания области де-авторизованных, несанкционированных субъектов, пре-субъектов, фигур презрения, населения, вычеркнутого из поля зрения».**

При этом их **существование** является **необходимым** условием существования дуалистически обусловленной общественной системы, а, значит, и самой нормы.

Помещение индивида по тому или иному критерию в ранг социальной аномальности называется **практикой устыжения.**

## Механизмы устыжения по Батлер:

«Дискурс нормы» и «дискурс стыда».

**Queer** (в пер. с англ. иной)

– это идентичность, рождающаяся в результате действия эффектов власти «сил подавления и сопротивления»

Человек маркируется в обществе как имеющий **анормальную (кривую, Queer) идентичность** посредством речевых (или дискурсивных) практик, целью которых является «устыжение субъекта через его наименование».

Выражаясь точнее, происходит не устыжение субъекта, а его производство посредством практик устыжения.

Бинарная оппозиционность, будучи базисом социальной стратификации, провоцирует субъективацию двух видов – нормального субъекта посредством «дискурса нормы» и **queer-субъекта** посредством «дискурса стыда».

**Техника власти такова, что создание индивида, имеющего ущербную анормальную идентичность выносится за рамки дискурсивности, представляется предискурсивным.**

**Создается иллюзия того, что дискурс обнаруживает индивида, имеющего queer-идентичность, в то время как дискурс посредством устыжения, «заклечения в чулан» сам создает queer-субъекта, навязывая ему его анормальность в качестве организующего принципа.**

## Женственность

**Практики устыжения производят женское как Другое мужского.**

**Женская субъективность как уникальная возможность выбирать или принимать свое объективированное положение.**

**Деконструкция женского субъекта открывает перформативную природу андроцентризма.**



**Таким образом, онтологический статус категорий «мужское» и «женское» трансформируется от эссенциального к перформативному.**

**Мужчиной и женщиной не рождаются, их роли исполняют в подвижном, но сохраняющем дуальную структуру спектакле западно-европейской социальности.**

«Здесь-данный», конкретный человек – он или она, не в смысле сущности, а в смысле «существования в становлении своего гендера» (де Бовуар).

**Раскрытие дискурсивной природы дихотомии мужское/женское переводит разговор о человеке, человечности и социальности в перспективу раскрытия множества сопутствующих идентификаций.**

Одной из главных социальных оппозиций, базирующихся на дихотомии мужское/женское является оппозиция нормальной/анормальной сексуальности

**Д. Батлер: анализ дискурсивной природы гендера/пола не может быть адекватным без учета тех социальных практик, посредством которых определенный индивид осуществляется, становится как представитель той или иной сексуальной ориентации.**

**Гендер – игра, которая «регулируется властным гетеросексистским дискурсом».**

Фундированная этой дихотомией **гетеросексуальная субъективность** рассматривается как **безусловная ценность и норма**, в противовес субъективности гомосексуальной.

Данная логическая схема обусловлена, так называемой, «**принудительной гетеросексуальностью**», политикой подавления или вытеснения гомосексуального за рамки социальной нормы, производством гомосексуального субъекта посредством «дискурса стыда».

Так же, как дихотомия мужское/женское держится на мнимом существовании единого и непротиворечивого мужского (или женского) субъекта, дихотомия сексуальной идентичности полагает гетеросексуальное желание необходимой составляющей нормальной гендерной (половой) идентичности, то есть предполагает существование гетеросексуального субъекта..

**««Единство» гендера представляет собой результат регулятивной практики, которая посредством принудительной гетеросексуальности стремится воспроизвести универсальную форму гендерной идентичности».**

**Индивид имеет право артикулировать только то сексуальное желание, которое соответствует совершенно определенным параметрам его гендерной идентичности.**

**Эта легитимирующая и исключаящая взаимосвязь и определяет тот порядок социальности, который Д. Батлер характеризует как **«принудительный порядок пола/гендера/желания».****

# ИНТЕЛЛИГИБЕЛЬНЫЙ ГЕНДЕР

Гендерная идентичность, характеризующаяся «внутренней согласованностью» и «целостностью личности», представляет собой не опытную данность с фиксированными реальными свойствами, но социально сконструированный эталон, поддерживаемый нормами интеллигибельности.

Под «**интеллигибельностью**» Д. Батлер понимает некое условие, посредством которого производится и сохраняется **согласованность между полом, гендером, сексуальными практиками и желанием.**

Нормативная природа интеллигибельного гендера обнаруживается посредством анализа существования таких индивидов, жизненные практики которых не реализуют единство и согласованность пола/гендера/желания, то есть не вписываются в регулятивную схему бинарных оппозиций

**Д. Батлер: «само понятие «личности» ставится под вопрос появлением в культуре таких существ, которые кажутся личностями, но которым не удается соответствовать гендерным нормам культурной интеллигентности, определяющим понятие личности»**

**Эти существа на первый взгляд «выпадающие» из общей схемы становления гендерной идентичности на самом деле также имеют дискурсивную природу, поскольку их аномальность поддерживает бинарный принцип гендерной схематизации как таковой.**

**То есть в становлении аномальной (в данном случае не гетеросексуальной) идентичности формирующими выступают все те же практики устыжения и исключения, что работают в становлении классической гендерной дихотомии мужское/женское.**

Эти «призраки прерывности и несогласованности» производятся и запрещаются тем же самым дискурсом нормальной гендерной интеллигибельности.

**Само существование индивидов с аномальной (несогласованной) гендерной идентичностью раскрывает репрессивную природу гендерной схематизации.**

«Действительно, именно потому, что некоторые типы «гендерных идентичностей» неспособны соответствовать тем нормам культурной интеллигибельности, они оказываются внешними по отношению к культурному полю ошибками развития или логическими парадоксами. Как бы то ни было, их живучесть и распространение дает критике возможность разоблачить границы и регулятивные цели этого поля и, как следствие, раскрыть заложенные в понятиях этой матрицы интеллигибельности соперничающие и разрушительные матрицы гендерного хаоса»



**«Гендерный хаос»** возникает из анализа деструктивной возможности, заложенной в самой **связи пола/гендера/желания**, то есть в самой схеме интеллигибельности.

Если быть (становиться) мужчиной/женщиной означает желать представителя противоположного пола/гендера и стремиться к реализации этого желания в соответствующих практиках, характеризующих определенным порядком гетеросексуальности, то **опрокидывание порядка гетеросексуальности ставит под вопрос и существование пола/гендера.**

**Категория пола** «рассеивается при разрыве или сдвиге гегемонии гетеросексуальности» поскольку сама является своеобразным **знаком сексуальности**, маркирующим каждое тело в социуме для того, чтобы его можно было включить в общий порядок принудительной гетеросексуальности или исключить из него.

Джудит Батлер обращается к точке зрения Мишеля Фуко, который *«утверждает, что категория пола, предшествующая всем определениям сексуального толка, сама является исторически сформированной специфической формой сексуальности»*

Бинаризирующий дискурс производит категорию пола в качестве адискурсивного основания или эссенциальной «причины» сексуальности, понуждающей индивида проявлять себя **«соответственно своей сущности»**, то есть как мужчина (желая и добиваясь женщину) или как женщина (желая мужчину и уступая ему).

Таким образом, пол выступает как скрытый (мнимо адискурсивный) механизм направления сексуального опыта, и именно поэтому разоблачение одного приводит к выявлению сконструированной природы другого.

Андроцентризм, равно как гетеросексизм, возможны лишь при господстве убеждения в эссенциальной адискурсивной природе пола/желания.

Денатурализация пола/желания раскрывает эти феномены в качестве **грандиозного культурного перформанса, который формирует, «присочиняет» субъектов** пола/желания для репрессивного обеспечения собственной гегемонии.

Таким образом, гендерная идентичность «перформативно конституируется теми ее «проявлениями», которые считаются результатами ее существования»

Итак, гомо идентичность представляется в дуальном социальном дискурсе несогласованной и аномальной.

Эта аномальность фундируется существованием некой дискурсивной нормы, а именно **нормы интеллигибельного гендера**.

Какие перспективы имеет индивид, принявший «устыженную субъективность» в качестве своей гендерной идентичности?

**Во-первых**, как замечает Сэдживик Ив Кософски, раскрытие культурной обусловленности феномена вовсе не облегчает возможное или желаемое освобождение от ее репрессивного воздействия.

В классической дихотомии культурное/природное первый элемент не является в какой-либо степени **более подвижным, «легким»**, чем второй.

«Я помню тот радостный энтузиазм, с которым феминистские исследовательницы приветствовали открытия друг друга, подтверждающие, что та или иная brutальная форма угнетения оказывалась не биологической, а «всего лишь» культурной! Я всегда задавалась вопросом, откуда берется это оптимистическое представление о податливости культуры какой-либо группе или программе»

Само сопротивление универсализирующей гендерной схематизации, возможно, является частью этой программы, «высвечивающей» властные установки ее подавляющей гегемонии.

**Во-вторых**, «устыженная субъективность» или гендерная идентичность, как продукт описанных выше механизмов соотнесения конкретных сексуальных практик с нормой интеллигибельного гендера, **не является** лишь **внешней схемой**, налагаемой политическим дискурсом на другую «истинную субъективность», которую первая якобы угнетает и девальвирует.

Субъективность является внутренним само осознанием индивида, а, следовательно, пронизывает разнообразные сферы самопонимания, само презентации в социуме, представлений о своей соотнесенности с иными родами реальности.

Субъективность определяет самостийность индивида, а, значит, **«устыженная субъективность»** формирует индивида как носителя совершенно своеобразного, по выражению Кософски, **«чуланного» менталитета**.

В рамках этой ментальности неотъемлемыми являются такие черты, как **осознание своей аномальности** и **отчаянное желание ее преодолеть** посредством **раскрытия** или **сокрытия** своей субъективности.

Как отмечает Кософски, «даже на индивидуальном уровне, среди самых открытых геев найдется очень мало тех, кто не скрывает намеренно свою ориентацию от людей, значимых для них в личном, экономическом или институциональном смысле... Любое столкновение с новыми людьми, будь то новые одноклассники, тем более новый начальник, социальный работник, банковский клерк, домовладелец, врач, создает вокруг него непроницаемый колпак, тяжесть которого, а также его оптические и физические свойства требуют новой предусмотрительности, новых расчетов, новых усилий и действий для соблюдения секретности или же ее раскрытия»

Гомо идентичность сопряжена с еще **большей репрессивностью**, чем женская субъективность, поскольку отождествление женского с постоянной привлекательностью для мужского избавляет женщин от обязанности дополнительно информировать окружающих о своей «устыженной субъективности».

Женщина «носит» свою гендерную маркировку непрерывно в артикулирующих знаках телесности: походке (сформированной ношением определенной обуви), жестах (сформированных посредством поощрения изящности), лице и руках (пропитанных разнообразными косметическими средствами) и т.п.

Однако и те и другие своей репрезентацией только подчеркивают безусловность социальной нормы мужского/гетеросексуального.

Маргинализованная маскулинность.

Дискурсивный порядок пола/гендера/желания поддерживается **социальным страхом**.

Боязнь оказаться вне нормы интеллигентного гендера создает дополнительную мотивацию для артикуляции индивидом своей реальной или мнимой **дистанцированности от устыженных субъективностей**.

Но больше всего, как это ни парадоксально, «страх стыда» и «стыд страха» понижает тех индивидов, субъективность которых конституируется в качестве **нормальной**.



В своей работе «**Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности**» известный американский социолог Майкл Киммел постулирует гомофобию едва ли не самым важным механизмом формирования мужской/гетеросексуальной идентичности

**Причина этой влиятельности гомофобии касается неоднородности в практиках становления мужчиной, а именно: не каждый обладатель мужской гендерной идентичности может претендовать на репрезентацию нормальной (интеллигибельной) мужественности.**

Сила, ум, физическое развитие, способность контролировать ситуацию – все эти черты на самом деле определяются посредством **отрицания**, это черты не свойственные женщинам и по этой причине отличающие настоящего мужчину от подделки.

Настоящий мужчина – **не женщина**, а, значит, он тот, кто может и должен утверждать свое отличие посредством **обладания женщиной**, посредством демонстрации своей **гетеросексуальности**.

Этот конститутивный для мужского императив гетеросексуальности является одновременно причиной непрерывного глубинного страха, основа которого коренится в постоянной возможности не продемонстрировать, не осуществить свою гетеросексуальность или осуществить и продемонстрировать ее неверно и противоречиво, вызвав тем самым подозрения в подлинной природе своей маскулинности.

Таким образом, *«мужественность становится растянувшейся на всю жизнь попыткой продемонстрировать факт ее достижения»*

По меткому выражению **Кеннета Уэйна**, *«любой встреченный вами мужчина обладает рейтингом или оценкой самого себя, с которой он никогда не расстается и которую он никогда не забывает».*

**В повышении этого рейтинга большую роль играют женщины, они становятся своеобразной «валютой», накопление и демонстрация которой поддерживает мужчину на пути завоевания положенной ему социальной гегемонии.**

**Перформанс гетеросексуальности становится главной целью маскулинности.**

Однако невозможно достичь того желанного момента, начиная с которого доказательства уже не нужны и мужская идентичность окончательно сформирована в качестве **«настоящей»** и ни у кого не вызывает сомнений.

Недостижимость эталона является залогом продолжения бесконечной напряженной драмы завоевания статуса подлинной маскулинности, **доказательства недоказуемого**

## МУЖСКАЯ СУБЪЕКЦИЯ

Маскулинность представляется перформансом, субъективирующим **гегемонную маскулинность** в качестве мнимо достижимой цели и **ущербную маскулинность** в качестве устыженного субъекта, самосознание которого наполнено **страхом и стыдом**.

*«Страх, - пишет М. Киммел, - заставляет нас стыдиться, ибо признание страха в самих себе доказывает нам самим, что мы не столь мужественны, как это представляем... Наш страх - это страх быть униженным. Мы стыдимся бояться. Стыд ведет к молчанию - молчанию, которое побуждает других людей думать, что мы действительно одобряем все то, что совершается в нашей культуре по отношению к женщинам, к меньшинствам, к геям и лесбиянкам».*

Таким образом, благодаря социальному страху, в конечном счете, поддерживается та самая модель гетеронормальности, которая в дискурсивном режиме продуцирует социальный страх.

Субъективирующая роль данной модели проявляется **двумя** основными **механизмами**: **практики нормативности** и **практики устыжения**.

Первые постулируют **социальную норму интеллигбельного гендера**, недостижимую в полноте по причине своей **перформативности**.

Перформативность есть **процесс демонстрации необходимых признаков нормы**, он не предполагает возможным конечное обладание этими признаками.

Вторые же субъективируют **анормальную идентичность**, создавая самосознание женской субъективности, гомо идентичности и маргинализованной маскулинности.

Существование «устыженных субъективностей» необходимо для поддержания дуалистической структуры общества.

**Индивиды, принимающие такой тип идентичности, обречены как на второстепенное положение в обществе, так и на совершенно определенные проявления насилия (морального и/или физического), удерживающие их в этом положении**

**С другой стороны, социальное насилие распространяется и на внутренние процессы самоосознания и самопонимания «устыженных субъектов», поскольку последние становятся обладателями **«чуланного менталитета»**, понизывающего их жизнь страхом и стыдом.**

**Генеалогия устыжения, таким образом, открывает подавляющую понизанность социального дискурса техниками бинаризирующей субъекции, высвечивающей фундаментальную зависимость субъектов нормы и субъектов устыжения от дискурса.**